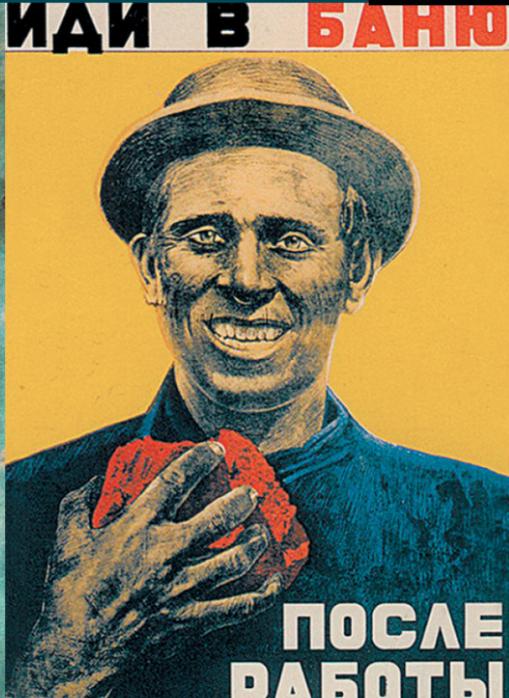
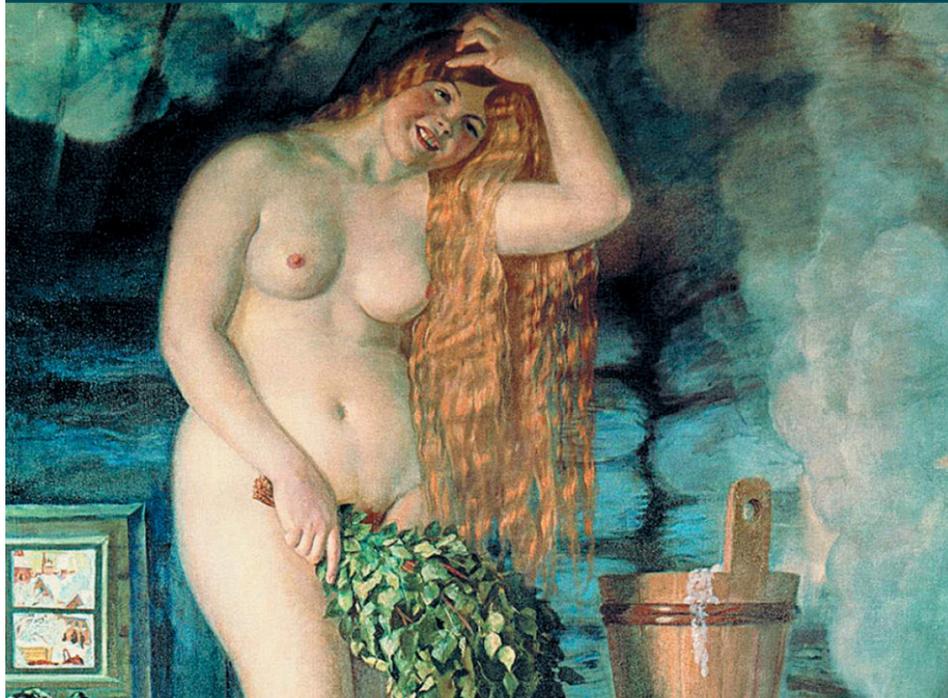

Итан Поллок
*Когда б не баня,
все бы мы пропали*

ИСТОРИЯ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

CoRpus

ИДИ В БАНЮ

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Итан Поллок

**Когда б не баня, все бы
мы пропали. История
старинной русской традиции**

«Corpus (АСТ)»

2019

УДК 008(47):613.7
ББК 63.3(2)-7+51.204

Поллок И.

Когда б не баня, все бы мы пропали. История старинной русской традиции / И. Поллок — «Corpus (ACT)», 2019

ISBN 978-5-17-123202-3

Какие бы социальные изменения ни сотрясали Россию, ничто не смогло искоренить привычку русских людей париться в бане. Более тысячи лет представители разных сословий, классов и политических партий оказывались равны перед очищающей силой целебного пара. Баня – больше чем гигиеническая процедура, это ритуал, которым сегодня принято наслаждаться. Однако так было не всегда: целые столетия посещения общественных купален были жесткой необходимостью, сопряженной порой с не самыми приятными вещами. Все эти непростые взаимоотношения русского человека со старинной традицией не могли не отразиться в культуре: баня фигурирует в живописи, литературе и кино. Профессор славистики Итан Поллок в своем исследовании не только рассказывает о повседневной привычке, он показывает ее сквозь призму истории огромной страны и делает это невероятно живо и увлекательно. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 008(47):613.7
ББК 63.3(2)-7+51.204

ISBN 978-5-17-123202-3

© Поллок И., 2019
© Corpus (ACT), 2019

Содержание

Пролог	6
Введение	8
Глава 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Итан Поллок
Когда б не баня, все бы мы пропали.
История старинной русской традиции

Посвящается Эми, Захари и Наде

Ethan Pollock

Without the Banya We Would Perish

A HISTORY OF THE RUSSIAN BATHHOUSE

© Oxford University Press 2019

© Т. Азаркович, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS®

Пролог

Москва, Россия, декабрь 1991 года. Мы ложимся нагишом на деревянную скамью, закрываем глаза, и нас обволакивает раскаленный воздух. Термостат показывает 95 °С. Мы потеем, и из кожи выходят токсины. Когда жар делается невыносимым, мы поодиночке выходим из тесного помещения и, чтобы охладиться, прыгаем в бассейн с ледяной водой. Потом возвращаемся в парилку и через считанные секунды снова потеем. Берем березовые веники и хлещем себя и друг друга по спине. Одни считают, что эти веники целебные, другие говорят, что с ними тело больше разогревается. Я не знаю, кому верить, но все равно хлещусь веником. А потом, завернувшись в простыню, чувствую, что у меня теперь новая кожа. Я и раньше бывал в русской бане, но обычно шел туда с некоторой опаской. Теперь, кажется, я начинаю проникаться процессом и получать удовольствие.

Я спрашиваю Сергея: мытье в бане – советская традиция? Отчасти да, отвечает он. Переживет ли она те политические и экономические беспорядки, которые бушуют сейчас за этими стенами? В ответ он улыбается. И говорит, что корни этого обычая уходят глубоко в прошлое России, он зародился задолго до революции. Тут к нам подсаживается Володя и тоже вступает в разговор. По его словам, сегодня человек в бане, возможно, испытывает то же самое, что люди испытывали в этом месте сто, двести, а может, даже тысячу лет назад. Здесь нет ничего нового. Баня – штука вечная.

Но нет, это заблуждение. Ни один телесный опыт, каким бы древним и неизменным он ни казался, сколь бы тесной ни была его связь с первозданными стихиями огня и льда, не может быть неподвластным времени. Я точно знаю, что у бани – как и у самой России – должна быть своя история.

* * *

В 1990-е годы друзья и коллеги водили меня в городские и частные бани в Москве, Санкт-Петербурге и других городах и деревнях на территории бывшего СССР. Я ходил в бани с учеными, спортсменами, предпринимателями, врачами, журналистами и студентами. Я ходил туда и с уважаемыми общественными деятелями, и с сомнительными личностями. Обычно я бывал там в мужской компании. Изредка бани были общими – для обоих полов. Во всех случаях представлявшаяся моим глазам телесная картина – буйство человеческой наготы во всем ее разнообразии – поражала меня и освежающей новизной, и беззастенчивостью. Только в бане я волей-неволей оказывался рядом с чужими телами в таких количествах.

Я много раз ездил к друзьям на дачи, и мои хозяева растапливали баню и приглашали меня попариться. Иногда я помогал им пилить и рубить дрова, вязать из березовых веток веники, мыть скамейки в парилке и мести раздевалки, топить печь и заливать в бак воду. Я научился орудовать вениками, самостоятельно чувствовать, когда жар и влажность достигли нужного уровня, наслаждаться вкусом пива или водки (или изредка – горячего чая) после банных процедур. Баня позволяла прекрасно отдохнуть от быстрых перемен, за которыми мы едва успевали угнаться после того, как Советский Союз рухнул и на его обломках начала возникать новая Россия. А еще баня давала нам заряд энергии, и мы с новыми силами возвращались на работу или домой. По существу, это была полноправная часть быта.

Изначально мое увлечение баней вовсе не относилось к моей работе в России. В начале 1990-х годов я преподавал в Москве американскую историю. С середины до конца 1990-х я приезжал в Москву, чтобы заниматься научными исследованиями и писать диссертацию. Баня была для меня убежищем, отдушиной, местом общения с друзьями – словом, противовесом

работе. Позже, уже написав книгу о Сталине и науке, получив в США место преподавателя российской истории и обзаведясь семьей, я начал думать о том, что же делать дальше. Иногда я думал об этом в бане. Меня все меньше интересовали вопросы, связанные с государственной властью, и все больше увлекали частности повседневной жизни – например, имевшие отношение к бане, которая, собственно, так крепко привязала меня к России.

Перемены – даже переломы – в российской политике, свидетелем которых я был в 1990-е и в начале 2000-х годов, подтолкнули меня к поискам чего-то прочного, неизменного для народа и в истории страны, которую я успел полюбить. Неважно, кто возглавлял Россию и в каком направлении он ее вел, – баня, похоже, высвечивала те стороны русской культуры, которые были мне дороже всего: тесные социальные узы, выдерживающие любые испытания, способность и желание поразмыслить над трудностями современной жизни, а также стойкую традицию, которой под силу объединять представителей самых разных слоев населения. Так я понял, что хочу написать о бане.

Введение

Везде и всегда, где были русские, были и бани. Бани процветали и в селах, и в больших городах. Они обслуживали мужчин и женщин, царей и землепашцев, православных и безбожников, националистов и социалистов, предпринимателей и фабричных рабочих, охранников и заключенных. Бани существовали еще до образования первого государства восточных славян, они выдержали монгольское нашествие, выстояли, когда центром русских земель сделалась Москва, пережили расцвет после того, как Петр I взялся за вестернизацию старой Руси, и обрели новое значение в Советской России. Русские не обходились без бани, отправляясь в экспедиции в Арктику и в Антарктику, в сибирскую ссылку и в эмиграцию в Америку. Они сооружали бани в железнодорожных вагонах, на китобойных судах и подводных лодках. Бани и сегодня широко распространены как в самой России, так и в русских общинах по всему земному шару. Более того, трудно было бы найти другое культурное учреждение, чье присутствие во времени и пространстве было бы столь же постоянно и имело такую же популярность независимо от сословных и культурных различий¹.

Русская баня – это особая разновидность паровой бани. Печка с горящими в ней дровами нагревает каменку – горку наваленных камней. Когда камни раскаляются, огонь сбивают, а на каменку льют воду. Мгновенно образуются волны пара, и температура поднимается. Купальщики обильно потеют, хлещут друг друга вениками, сделанными из молодых березовых веток (годятся и другие деревья), охлаждаются в бассейне или в естественном водоеме либо катаются в снегу, а потом повторяют все сначала. Существуют разные мнения по поводу правильной влажности и температуры, а также различных процедур, которые полагается делать до, во время или после паренья. Обстановка бани отличается еще большим разнообразием. Деревенская баня – обычно деревянная изба, состоящая из парилки и небольшого предбанника, где раздеваются перед тем, как париться, и отдыхают после. Друзья, соседи и члены семьи часто парятся вместе. Некоторые деревенские бани – “черные”, то есть не имеют дымохода: в них на начальном этапе, когда разогревается печка, густое облако дыма остается внутри. Хотя перед тем, как париться, помещение проветривают, и стены, и сами купальщики часто покрываются сажей. Городские же, торговые, бани бывают очень просторными: они оснащены современными системами вентиляции, водопроводом, в них есть моечные залы, раздевалки и отдельные отсеки для мужчин, женщин, а также для небольших компаний. Иногда там имеются массажные кабинеты, бассейны, бильярдные комнаты, кафе и парикмахерские. Но главное, что объединяет все эти внешне несхожие деревенские срубы и городские здания и что делает их банями, – это парилка с деревянными полками.

У русской бани имеется многочисленная родня – от греческих и римских бань (терм) до финской сауны, японских сэнто и онсэн, турецкого хаммама и индейской парной (это лишь немногие примеры). В каждом обществе, в каждой цивилизации утвердились свои обычаи и правила личной гигиены – телесной, духовной и умственной. Одни омовения носят профилактический характер и защищают купальщиков от невидимых угроз, другие же сулят исцеление от конкретных недугов или помогают противодействовать опасностям, которыми чреватые определенные типы поведения. Физическая чистота часто подразумевает нравственную непо-

¹ О бане в Арктике: Shenitz H. A. The Vestiges of Old Russia in Alaska // The Russian Review. 1955. Vol. 14. № 1. P. 57; о бане в Антарктике: Swithinbank C. A Year with the Russians in Antarctica // Geographical Journal. 1966. Vol. 132. № 4. P. 469; о самодельной бане на советской подводной лодке: Дорин В. На “Отлично” // Правда. 1936. 13 декабря. С. 4; о китобойных судах: Demuth B. The Floating Coast: An Environmental History of the Bering Strait. New York, 2019. P. 282.

рочность. Прилюдная нагота может способствовать честности и эмоциональной близости, но она же порой порождает распущенность и уязвимость².

Иллюстрация 1. Современная версия деревенской бани “по-черному”. Новгородская область, 2004 год.

Современный мир осознал, как опасны микробы и как важно от них избавляться. Представление о том, что баня очищает от грязи, прогоняет заразу и укрепляет телесное здоровье, укоренилось очень глубоко. Крестьянская поговорка гласила: “Баня любую болезнь из тела гонит”, однако лишь в конце XVIII века гигиена оказалась в фокусе государственного внимания в имперской России. Лейб-медик Екатерины II утверждал, что часто ходить в баню лучше, чем обращаться к врачам, и что “баня Российская, конечно, заступает место двух третей лекарств, описанных во Врачебной Науке и в большей части Аптекарских Сочинений”³. Ближе к концу XIX и в XX веке постепенно набрало силу представление о том, что, держа тело в чистоте, можно бороться с болезнями – особенно с эпидемиями, которые вспыхивали из-за вшей, клещей и блох. После захвата власти в России большевиками в 1917 году Владимир Ленин сделал знаменитое заявление: “Или вши победят социализм, или социализм победит

² Научная литература о мытье и гигиене обширна. О заботе о чистоте см.: Douglas M. Purity and Danger. London, 1966; о римских банях: Fagan G. G. Bathing in Public in the Roman World. Ann Arbor, 1999. О банях в Анатолии см.: Bathing Culture of Anatolian Civilizations: Architecture, History, and Imagination / Ed. Ergin N. Leuven, 2011. Сравнение различных паровых бань см.: Aaland M. Sweat: the Illustrated History and Description of the Finnish Sauna, Russian Bania, Islamic Hammam, Japanese Mushi-buro, Mexican Temescal, and American Indian & Eskimo Sweat Lodge. Santa Barbara, 1978.

³ Санчес А. Н. Р. О парных российских банях, поелику споспешествуют оне укреплению, сохранению и возстановлению здравия. СПб., 1779.

вшей!»⁴ Бани – орудие в этой борьбе – стали важным подспорьем для национальной безопасности, и советское государство соответствующим образом их поддерживало.

Иллюстрация 2. Баня в центре Москвы, построенная в период правления И. Сталина в 1935 году. Публикуется с разрешения РГАКФД.

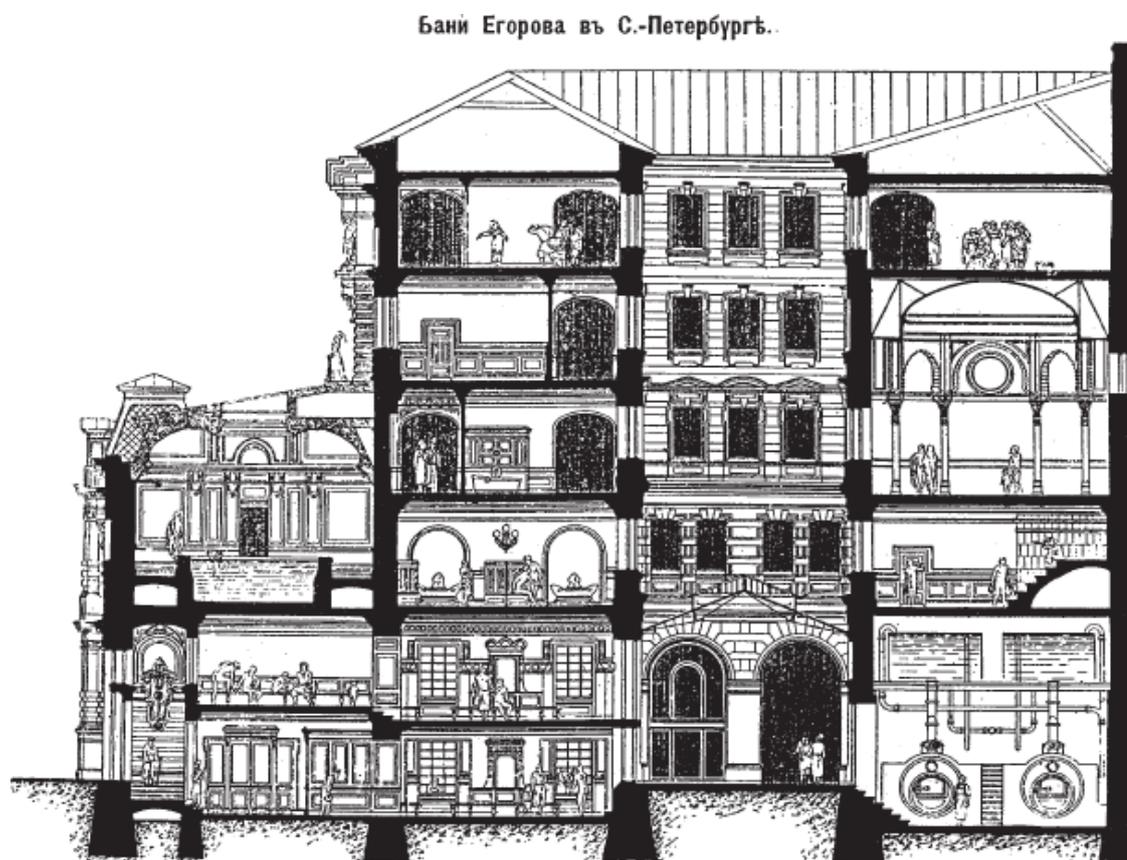

Иллюстрация 3. Егоровская баня в Санкт-Петербурге, построенная в конце XIX века. На 5 этажах располагались мужское и женское отделения, комнаты, предназначенные для приема пищи, чтения, парикмахерская, бассейн и, конечно, парилки. (Строитель. 1896. № 1. С. 53–54.)

Забота о материальных и телесных потребностях не отражает всего диапазона смыслов, ассоциировавшихся с баней как до советской власти, так и при ней. Русские ходили в баню задолго до того, как начали смотреть на нее с точки зрения современной медицины, и до того, как государство решило взять под охрану здоровье населения. Они продолжали ходить в баню и тогда, когда появление во многих домах водопровода и сантехники позволило совершать гигиенические процедуры без лишней мороки у себя дома. Русские понимали, что, в отличие от обычного душа или ванны, поход в баню омолаживает и преображает человека – причем не только физически, но и духовно. Об этом говорили народные пословицы и поговорки: “В бане помылся – будто заново родился”, “Баня все грехи смывает”. Интерес к бане как к месту подлинности, созерцания и возрождения приобретал особые масштабы и значение особенно в пору неопределенности – как, например, в последние годы существования Российской империи и в годы непосредственно до и после крушения Советского Союза. Ведь баня обновляет не только тело, но и ум, и душу.

⁴ Ленин В. И. Выступление перед Всесоюзным центральным исполнительным комитетом и Советом Народных Комиссаров на VII Всероссийском съезде советов, 5 декабря 1919 г. // Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 39. С. 410.

Баня еще и общественное заведение. И в деревенской обстановке, и в городах друзья и родственники моются вместе, передавая друг другу различные обряды и приемы и устанавливая таким образом границы дозволенного и недопустимого. Например, запрещено ходить в баню в одиночестве или в определенное время, что наводит на мысли о том, что там скрыта потенциальная опасность. Посещение бани – обряд, при помощи которого молодые и чужие становятся частью общины. В конце XIX века один философ написал: “Если вы хотите кого-нибудь сделать себе приятелем и колеблетесь, то спросите его, любит ли он баню: если да – можете смело протянуть ему руку и позвать его в семью вашу”⁵. Примерно в ту же пору один врач добавил: “Бани у нас народны до того, что по ним иногда определяют любовь к отечеству и истинность русского происхождения”⁶. Прославление общественной – и даже националистической – бани служило отповедью тем, кто пытался рассматривать ее отвлеченно или под медицинским углом. Вместо того чтобы воспринимать баню просто как идеальное место, где может помыться любой, многие предпочитали считать, что главное предназначение этого пространства – крепкое сплочение русских людей и помощь в распознавании друзей или врагов.

Как публичное учреждение, баня имеет нечто общее с другими общественными заведениями – кофейнями, пивными, спортзалами и парикмахерскими. Эти места, где человек и не дома, и не на работе, объединяет многое: открытость и доступность, гостеприимная и уютная обстановка, возможность пообщаться со старыми и новыми друзьями, создание нейтральной атмосферы, сглаживание социальных различий (о чинах и отношениях подчиненности, существующих за пределами этих заведений, здесь на время позволительно забыть), особое внимание к беседе и ощущение, что здесь можно побыть как дома – вне дома⁷. Описывая баню, разные авторы часто говорили примерно об этом же. Связь этого места с прозрачностью и близостью (чему во многом способствовала и физическая нагота) тоже наводит на мысль о том, что баня вполне вписывается в эту общую категорию. Как покажет дальнейший исторический обзор, не все бани и не во все времена соответствовали перечисленным чертам. И все же, взгляд на это заведение с подобной точки зрения наверняка поможет тем, кто мало что знает о русской бане, приблизиться к пониманию ее важной роли в человеческом общении.

Во многих отношениях баня отличается от прочих публичных мест. Понятия об общественном и частном, возникшие в западноевропейском обществе и применимые ныне к кофейням и другим подобным заведениям, не так-то легко приложить к русским реалиям. В чем-то баня была местом публичным (ее ведь часто поддерживало государство, и мытье было коллективным), а в чем-то – частным (камерным и особенным). Кроме того, бани выполняли по крайней мере некоторые из общественных задач задолго до возникновения современного мира и капиталистических экономических отношений, которые ученые считают важнейшими предпосылками для появления подобного рода общественных собраний. Баня выжила и в самодержавной России, и в социалистическом СССР⁸. История бани наводит на предположение, что потребность в создании публичных мест для осмысленных общественных контактов вовсе не обязательно привязывать к западноевропейскому летосчислению или к другим привычным для современных историков ориентирам⁹. И наконец, общинный характер бани отражает лишь

⁵ Розанов В. В. О писателях и писательстве // Розанов В. В. Литературные очерки. СПб., 1899. С. 233.

⁶ Забелин А. И. О купаньях, ваннах и банях как средствах сохранения здоровья. Цит. по: Богданов И. А. Три века петербургской бани. СПб., 2000. С. 3.

⁷ Oldenburg R. *The Great Good Place: Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community*. New York, 1997. P. 20–33.

⁸ *Public and Private in Thought and Practice: Perspectives on a Grand Dichotomy* / Eds. Weintraub J., Kumar K. Chicago, 1997; подробнее о русском и советском представлении о месте и пространстве см.: Boym S. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, 1994; Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: an Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, 1989; *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia* // Ed. Siegelbaum L. H. New York: Palgrave Macmillan, 2006; Crowley D. Reid S. E. *Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc*. Oxford, 2002.

⁹ Chakrabarty D. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton, 2000 (Глава 7). В силу

один из важнейших ее аспектов. Посещение бани – не только общественный акт, но также телесный и духовный опыт. Физические ощущения, которые можно получить в бане, и чувство духовного преображения – не менее важные причины ее привлекательности. Прийти в баню только для того, чтобы поговорить и пообщаться, как это делается в кафе или пабах, но при этом не раздеться, не пропотеть как следует в парилке и не вымыться – значило бы упустить самое главное.

В бане каждая из ее основных функций – мытье, очищение и установление чувства общности – чревата потенциальными рисками. Баня смывает грязь, но она же заставляет купальщиков соприкасаться с чужими телесными выделениями и грязью, которые могут распространять заразные болезни. Баня восстанавливает душевную чистоту, но там же можно самозабвенно предаваться пороку. Как общественная практика, она помогает очерчивать круг приемлемых типов поведения и опознавать своих. А еще баня выявляет проступки и выводит наружу угрозу, которую представляют те, кто не вливается в коллектив и не подчиняется правилам. Силясь привести в мир порядок, баня тем самым вытаскивает на свет беспорядок. Она имеет прямое отношение к здоровью, рождению, возрождению, обновлению, спасению и сплочению, но в то же время баня оставляет людей безо всякой защиты от вредных выделений и испарений, от паразитов, сажи, сырости, контактов с другими людьми, блуда, огня и разложения. Баня сулит очищение – и сама же представляет потенциальную опасность. Без бани русские люди пропали бы (как гласит еще одна поговорка), потому что без нее они потеряли бы точку опоры, умение разделять небесное и земное, тело и душу, утратили бы понятия о том, что разрешено, а что строго запрещено.

В силу того, что баня – относительно постоянный физический фон для общественных отношений, она служит призмой, через которую можно рассматривать российскую историю в целом. Поскольку баня проливает свет на отличительные черты прошлого, они предстают узнаваемыми и одновременно по-новому преломляются. Диахронное изучение бани позволяет высветить под непривычным углом очертания российской индивидуальности, природу сложных взаимоотношений России с остальной Европой, потенциал и пределы возможностей могущественного государства, управляющего огромной территорией, различия между профессиональными знаниями и народной мудростью, а также попытки адаптироваться к современным условиям. Меняющиеся представления о социальности и сексуальности, о половой и классовой принадлежности, об империи и религии, о работе и досуге – все это тоже проявляется в бане, но не всегда предсказуемым образом или не так резко, как могло бы показаться, если бы мы глядели на все это через другую призму.

Баня была не просто физическим пространством, где происходили встречи. Она существовала и как идея, чья ценность определялась эмоциями, которые ей сопутствовали. В материальном плане баня оставалась устойчивым и неизменным институтом. Как социальное умозрительное понятие, она была подвижным явлением и, в зависимости от эпох и мест, принимала многообразные формы для представителей разных полов, национальностей и сословий.

Средневековые летописцы описывали баню как некий символ национального самосознания (какой бы смысл в него ни вкладывался – плохой или хороший) и как пограничное место, сталкивающее духовность и кощунство, небесные силы и земные желания. Иноземные дипломаты, врачи, путешественники и журналисты – от Геродота до Хедрика Смита – обращали внимание на банные обычаи местного населения и часто выводили из своих наблюдений более широкие умозаключения, касавшиеся сути народного характера. В романах Федора Достоевского баня выступает локусом, где царит опасность и насилие, а в рассказах врача, прозаика и драматурга Антона Чехова – невинным местом общения, где разговоры важнее оздоровления.

примерно тех же причин, о которых Чакрабарти писал, рассуждая об “аде” в Калькутте, баня помогает нам приблизиться к пониманию того, как русские пытались, словами Маршалла Бермана, “вцепиться в современный мир и устроиться там как дома” (Berman M. All That Is Solid Melts Into Air: The Experience of Modernity. New York, 1982).

Некоторые писатели – как, например, Михаил Зощенко – прибежали к юмору, чтобы привлечь внимание к плачевным условиям в банях, а другие намекали на встречи сексуального характера, которые там устраивались. В дневниках и мемуарах мы находим описания бань в пору Русской революции, в период блокады Ленинграда, в советских исправительно-трудовых лагерях. И безымянные, и знаменитые художники изображали баню как символ русскости и патриотизма, советскости и юмора, добродетели, порока и секса. Григорий Распутин водил в баню аристократок и проституток, чтобы испытать их духовную чистоту – или же чтобы предаться распутству. Екатерина II, Иосиф Сталин, Борис Ельцин и Владимир Путин видели в бане и важнейшее орудие, помогающее народу отогнать болезни, и свой излюбленный вид досуга.

Баня находится в центре сети развивающихся смыслов, в которой одни связующие нити и звенья крепнут, а другие со временем атрофируются или вовсе рвутся. Роль бани творили и меняли люди, принадлежавшие к разным поколениям. Попытки навязать определенное восприятие бани и отместить как несущественные другие толкования ее назначения лишь повышали градус идейных споров. Баня как физическое пространство представлялось нейтральным, эгалитарным заведением, куда все просто ходят мыться. Баня как идейное понятие наделялась исключительной способностью обновлять дух, спланивать людей в общность и помогать им в осмыслении мира.

* * *

Несмотря на центральное место, которое баня занимала в русской жизни, ее прошлое не так-то легко восстановить. Относящиеся к делу сведения можно найти в самых разных источниках, но не существует единого архива или единого подхода к теме. Книги и статьи, главным предметом которых является баня, находятся в широком диапазоне от медицинских отчетов о важности банных процедур для здоровья до технических инструкций, подробно описывающих, как правильно строить баню, популярных очерков, посвященных конкретным баням, и текстов с порнографическим уклоном, рассказывающих о том, что иногда происходит в этих заведениях. Самопровозглашенные любители бани собирали материалы и в итоге написали десятки книг, часто выдержанных в агиографическом ключе¹⁰. Иностранцы журналисты создали множество статей, где отразили собственные впечатления от посещений бани¹¹. Изредка исследователи упоминают о бане как о свидетельстве “нравственного мазохизма” России¹². Чаще они подступались к теме бани с разных сторон, не пытаясь при этом обрисовать общую картину¹³. Однако чаще всего баню просто воспринимают как данность. Обычно она остается столь же незаметной, сколь и вездесущей.

Владимир Гиляровский, главный бытописатель Москвы конца имперской эпохи, отмечал, что баня – явление настолько общеизвестное, что никто не испытывает потребности

¹⁰ См., например: Рубинов А. Сандуны: книга о московских банях. М., 1990; Рубинов А. История бани. М., 2006; Орлова С. М. Все о банях. М., 1998; Богданов И. А. Три века петербургской бани. СПб., 2000; Галицкий А. Щедрый жар: очерки о русской бане и ее близких и дальних родичах. М., 1974; Русская эротическая проза / Сост. М. Л. Вольпе. М., 2004; Рябов В. Н. Как устроить сельскую баню. М., 1954.

¹¹ Например: Myers S. L. Sunday at the Banya // Departures. 2007. October. P. 274–282; Phillips C. A Russian Thrashing // Globe and Mail. 2002. June 2; MacWilliams B. With Light Steam: A Personal Journey Through the Russian Baths. DeKalb, 2014.

¹² Наиболее выдающийся пример: Rancour-Laferriere D. The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering. New York, 1995.

¹³ Райан В. Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / пер. с англ. Л. И. Авилевой М., 2006; Cross A. G. The Russian Banya in the Descriptions of Foreign Travellers and in the Depictions of Foreign and Russian Artists // Oxford Slavonic Papers. 1991. XXIV. P. 34–59. Healey D. Homosexual Desire in Revolutionary Russia: the Regulation of Sexual and Gender Dissent. Chicago, 2001; Condee N. The Second Fantasy Mother, or All Baths Are Women's Baths // Russia, Women, Culture. Bloomington, 1994; Petri O. At the Bathhouse: Municipal Reform and the Bathing Commons in Late Imperial St. Petersburg // Journal of Historical Geography. 2016. Vol. 51. P. 40–51; Липинская В. Баня и печь в русской народной традиции. М., 2004.

писать о ней: “В литературе о банном быте... ничего нет. Тогда все это было у всех на глазах, и никого не интересовало писать о том, что все знают: ну кто будет читать о банях?”¹⁴ Отчасти Гиляровский был прав. Правительства держали бани под присмотром – или как источники дохода и места, полезные для общественного здоровья, или как притоны, где гнездится порок. Крестьяне, отвечая на вопросы этнографов, обычно сообщали, что бани занимают важное место в их жизни. Но мало кто специально описывал банные ритуалы сами по себе. Как и во всех областях истории повседневной жизни, здесь имеются пробелы и несоответствия между данными из сохранившихся источников. Подобно тому, как сажа в бане оседает на разных поверхностях неравномерно, так и в одних местах свидетельства “осели” густым слоем, а в других их как будто начисто смыло. Из всех эпох российской истории и из всех краев необъятной империи дошли хотя бы немногочисленные свидетельства, но, чем дальше от нас эпоха и чем дальше от европейской части России, тем тоньше, как правило, слой сохранившихся упоминаний. На некоторые вопросы о бане невозможно ответить с определенностью, опираясь на имеющиеся письменные документы. Очевидно, что русская банная традиция эволюционировала, отталкиваясь от банных обычаев различных других евразийских этнических групп, но как именно – сказать трудно. Подробности, касающиеся сексуальных контактов между мужчинами и женщинами в банях, часто проскальзывают лишь обиняками; упоминания о сексе между мужчинами или между женщинами найти еще труднее, хотя сам факт, что в бане имели место однополые сексуальные контакты, представляется очевидным. Мужчины гораздо чаще женщин делились рассказами о своих банных похождениях, из-за чего мужская точка зрения часто представляется универсальной, хотя это явно не так. Ввиду неизбежных пробелов, которыми изобилуют источники, данная книга не сможет дать исчерпывающую картину.

Тем не менее ту банную культуру, которая, как опасался Гиляровский, могла исчезнуть бесследно, все же возможно в значительной мере воссоздать благодаря внимательному изучению письменных источников и изображений. Баня фигурирует в живописи, на плакатах, в фильмах, сводах законов, дневниках и мемуарах, в популярных и профессиональных, посвященных здоровью, журналах, в муниципальных правовых актах, в этнографических исследованиях, архитектурных планах, политических карикатурах и религиозных текстах. При работе над этой книгой, стремясь передвинуть баню с окраин российской истории в самый центр, я использовал более тысячи таких источников.

Люди моются всегда и везде, и коллективное мытье – обычай, распространенный во многих культурах по всему миру¹⁵. Но не каждая культура наделяет омовения высокой ценностью, и не у всех народов имеются банные обычаи, остающиеся неизменными на протяжении долгих веков. В России же баня сохранилась в прежнем виде, несмотря на коренные изменения в представлениях о телесной чистоте и несмотря на заметные сломы общественного строя. Чем сильнее менялись политика и культура в России, тем больше ценилась баня – как нечто исконное и незыблемое. В стране, где государство и религия (и идеология) обычно занимали огромное место, баню светские или церковные власти не контролировали. Благодаря относительной устойчивости своей формы баня казалась неподвластной времени, особенно в пору политических, экономических и социальных потрясений. А относительная податливость культурного содержания позволяла людям из всех слоев общества и во все эпохи наделять баню физической, духовной и объединяющей силой.

Это – первая книга (на любом из языков), в которой предпринимается попытка подробно изложить историю бани на протяжении большого отрезка российской истории. Содержание

¹⁴ Гиляровский В. Москва и москвичи. М., 1968. С. 228.

¹⁵ Из-за универсальной важности бинарного противопоставления чистый/нечистый баня становится и частью более обширной, глобальной истории. См.: *The Nature and Function of Water, Baths, Bathing, and Hygiene from Antiquity Through the Renaissance* / Eds. Kosso C., Scott A. Leiden, 2009. Однако мое внимание сосредоточено на бане как на типично русском явлении, а не на его взаимосвязи с другими похожими явлениями в других странах мира.

следующих десяти глав расположено в хронологическом порядке. В главах 1 и 2 рассказ опирается на самые ранние письменные источники, упоминающие баню, вплоть до окончания царствования Екатерины II в конце XVIII века, когда врачи впервые заговорили о том, что главное предназначение бани – поддержание здоровья и гигиены. Главы 3, 4 и 5 охватывают период с начала XIX века до конца правления династии Романовых в 1917 году, когда признание потенциала бани как важного места, способствующего здоровью населения, происходило неравномерно. Параллельно приходило понимание ее большой значимости для национального самосознания и ее популярности как места общения, отдыха, насилия и сексуальной распущенности. Четыре главы охватывают советский период. Правительственные чиновники стремились сделать все для того, чтобы баня выполняла свои утилитарные задачи, тогда как прочие люди гораздо чаще видели в бане символ чистоты и пространство для содержательного социального взаимодействия, для раздумий о национальной принадлежности и судьбе, а не просто место, где можно вымыться. Заключительная глава, посвященная постсоветской России, рассказывает о том, как продолжали подпитываться, выявляться и открываться заново разнообразные и противоречивые стороны истории и истолкования назначения бани. В каждой главе переплетаются темы чистоты физической (и грязи), чистоты нравственной (и скверны) и общественной солидарности (и нарушения общепринятых правил). Если каждый из этих элементов с течением времени и в разных местах переживал заметные перемены, то в той или иной степени кое-что в истории русской бани оставалось постоянным: это сильное желание использовать экстремально высокую температуру для очищения тела, видеть в мытье не просто полезную для организма процедуру, а нечто, наделенное глубоким смыслом, чтить власть традиции и вековых обычаев и мыться не в одиночестве, а компании. Было бы преувеличением утверждать, что история России – это история бани в расширенном изложении или что история бани – это история России в миниатюре. Но совершенно бесспорно, они неразрывно связаны друг с другом.

Глава 1 “И царя старше”

Бани существовали до возникновения Руси, а до появления бань существовали другие виды купален и парилен. Около 440 г. до н. э. Геродот, греческий “отец истории”, рассказывал о народах, живших в Северном Причерноморье на тех землях, которым позднее предстояло войти в состав Российской империи:

Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия. Это парение служит им вместо бани, так как водой они вовсе не моются... Скифы, как и другие народы, также упорно избегают чужеземных обычаев.¹⁶

Возможно, Геродоту больше хотелось заявить о правильности собственных – эллинских – культурных обычаев, чем разобраться в скифских, однако оставленное им описание скифских банных привычек представляется точным. В XX веке археологи обнаружили среди прочих находок “сосуд, наполненный камнями... с небольшим количеством конопляных семян” и таким образом поняли, что нашли “полный набор предметов, предназначенных для совершения очистительного обряда, о котором очень подробно написал Геродот”¹⁷.

В первой половине X века персидский ученый и путешественник Ибн Руста тоже посетил те края и обратил внимание на банные обычаи местных жителей. Ибн Руста писал:

В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба... В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв дров и камней, разжигают огонь и раскаляют камни на огне докрасна. Когда же камни раскалятся до высшей степени, их обливают водой, отчего распространяется пар, нагревающий жильё до того, что снимают даже одежду¹⁸.

И Геродот, и Ибн Руста видели в банных обычаях неоспоримое подтверждение отличия степняков от их собственных народов.

В ту пору, когда Ибн Руста писал свой труд, киевские князья объединили под своим правлением местные восточно-славянские племена. Киевская Русь (как стало потом называться их государство) находилась на пересечении важных торговых путей и потому становилась местом встреч представителей несхожих средневековых культур. Ранняя разновидность русской бани возникла благодаря смешению различных обычаев и обрядов. На юге Византия унаследовала богатую греко-римскую банную традицию: просторные городские бани выполняли и общественные, и гигиенические задачи. Эта же традиция частично вошла и в мусульманский мир, где мытье в хаммаме заняло важное место как в религиозных обрядах, так и в городской общественной жизни¹⁹. Евреи, жившие среди восточных славян, ходили для ритуального очищения в микву. Жившие к северу от Руси финны иногда устраивали паровые бани в небольших

¹⁶ Геродот. История. М., 1999. С. 259.

¹⁷ Hartog F. The Mirror of Herodotus: The Representation of the Other in the Writing of History. Berkeley, 1988; Rudenko S. Frozen Tombs of Siberia; the Pazyryk Burials of Iron Age Horsemen. Berkeley, 1970. P. 284–285.

¹⁸ Новосельцев А. П. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 388–389. Он цитирует энциклопедию географических сведений Ибн Русты, которая называлась “Китаб ал-а’лак ан-нафиса” (“Книга драгоценных ожерелий”).

¹⁹ Yegül F. Bathing in the Roman World. Cambridge, 2009.

деревянных срубах²⁰. Различные хазарские племена, контролировавшие значительную часть территорий евразийских степей и торговых путей, уходивших на Дальний Восток, тоже имели собственные банные обычаи, хотя по существу о них мало что известно²¹. Можно не сомневаться, что со временем эти обширные традиции уступили место множеству более специфических обрядов и обычаев, но следует помнить: ни Русь, ни русская баня не появились на пустом месте.

В степи, в Византии и Скандинавии, среди иудеев, христиан и мусульман мытье ассоциировалось с добродетелью и пороком, со святостью и непристойностью, с чистотой и скверной. Народ Древней Руси создавал собственные банные обычаи, приспособливая под свои нужды те практики и запреты, с которыми он соприкасался. Бани служили местом встреч, где признаки индивидуальных отличий могли одновременно проявляться и сглаживаться. Попутно баня становилась характерной чертой русской культуры. Подобно хаммаму и микве, она встраивалась в религиозное учение и становилась частью главных обрядов и церемоний. Как и в Византии, баня могла принимать форму больших городских зданий, само присутствие которых свидетельствовало о цивилизованности города или общины. И, подобно парным финнов и других северных народов, баня по-прежнему ассоциировалась с колдовством, магией и вообще потусторонними силами. Как само русское государство на протяжении пяти столетий (приблизительно с 1000 по 1500 годы) создавалось в сплаве разных княжеств и этнических групп, так и баня рождалась из смешения многообразных банных традиций. Совершая в бане правильные действия правильным способом, можно было выяснить отношения между небесным и земным, а также без труда опознать своих. Сходным образом неумение верно совершать положенные обряды влекло за собой риск нездоровых связей и нарушений общественного договора. Баня выступала своего рода перепутьем, откуда дороги вели порой к праведности, а порой к проклятью.

* * *

Если оставить в стороне краткие упоминания о мытье у Геродота и Ибн Русты, то история русской бани обычно начинается с первых местных письменных свидетельств о ранней эпохе существования Киевской Руси – древнего государства, к которому восходит вся позднейшая государственность России. В “Повести временных лет” (или “Первоначальной летописи”) – летописном своде документов, относящихся к истории Руси с XII века, – неоднократно упоминается мытье, что подкрепляет утверждения о том, что баня всегда была неотделима от представлений о Руси и о русских.

В наиболее часто цитируемом месте из “Повести временных лет” говорится об апостоле Андрее Первозванном, чье легендарное “хождение” в славянские земли послужило поводом для сакрализации христианских истоков Киевского княжества. Это предание чрезвычайно важно для восточнославянского самосознания: позднее апостол Андрей сделался святым покровителем и Украины, и России. В описании путешествия Андрея, сохранившемся в “Повести”, уделено значительное внимание местным баням, которые увидел апостол и которые значительно отличались от бань, распространенных в римском мире.

И пришел [апостол Андрей] к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей – каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: “Удивительное видел я в Славянской

²⁰ Pentikäinen J. Baths // Encyclopedia of Religion / Ed. L. Jones. Detroit, 2005. P. 800–803.

²¹ Зиливинская Е. Д. Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований. М., 2001.

земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевненным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что еле вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовенье себе, а не мученье”²².

Авторами “Повести временных лет” были, скорее всего, киевские монахи. Привлекая внимание к бане и связывая ее с именем апостола Андрея, они, возможно, надеялись высветить предмет гордости местных жителей. Но если так, то не странно ли, что они подчеркивали изумление Андрея? Ведь он уподоблял банные обычаи славян “мученью”. Зачем же они вообще включили в летопись этот эпизод?

Когда писалась “Повесть”, Киевское государство было лишь одним из многих княжеств, соперничавших между собой за господство над славянскими землями. Составители летописи, предположительно желавшие подчеркнуть важную роль Киева, быть может, решили нарочито насмешливо изобразить языческие, варварские обычаи своих соперников-северян из Новгорода, которые мылись, подобно норвежцам, в тесных срубках, а не в просторных общественных зданиях, служивших банями у цивилизованных римлян в пору “хождений” апостола Андрея и у их собственных современников византийцев. Чтобы обозначить этот контраст, летописцы несколькими строками выше рассказали о том, что, когда Андрей пришел в земли на берегах Днепра, где в будущем предстояло возникнуть Киеву, его помыслы не были заняты местными банными обычаями, а устремлялись в священные выси. Он будто бы произнес следующие слова: “Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей”, после чего благословил горы, поставил там крест и помолился Богу²³. В летописи эти эпизоды примыкали друг к другу, отчего создавалось впечатление, будто жители Новгорода оказались куда менее достойны апостольского благословения, чем жители днепровских холмов, на которых предстояло в будущем воздвигнуться Киеву. Авторы летописи словно желали сказать: Киев – город церквей, а Новгород – город бань.

В Древней Руси XI века существовало нечто похожее на баню, но едва ли оно могло казаться предметом гордости киевским летописцам. Напротив, они выставили это явление как незавидный обычай, восходящий к дохристианским временам. Опираясь на это место из “Повести временных лет”, один современный историк заключил, что жители Киева воспринимали банные традиции русского Севера как “чуждые и нелепые”, и что упоминание бань в “Повести” – “один из древнейших русских этнографических анекдотов”²⁴. Лишь потому, что “Баный веник и царя старше”, как гласит одна поговорка, не стоит думать, что баня была предметом безусловной гордости²⁵.

Зато другие обращались к этому же эпизоду летописи, чтобы подчеркнуть значимость бани для подлинного русского самосознания, и банные обычаи казались тем важнее, что чужаки вроде апостола Андрея не могли их понять. В таком прочтении христианство выглядело новым, привозным элементом, а баня представляла частью уходящей вглубь веков, более подлинной русской истории. Вот что писал один исследователь:

Вся Русь в изображении апостола Андрея (в изображении крупномасштабном), представлена двумя главными учреждениями – церковные храмы, которые в будущем покроют эту страну, и бани, которые существуют как бы изначально. Это и есть две культуры. Верх представлен

²² Повести временных лет // Русские летописи XI–XVI веков: Избранное. СПб., 2006. С. 27.

²³ Там же.

²⁴ Hellie R. The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725. Chicago, 1999. P. 399, 540.

²⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989.

церковной, а низ – народной культурой и народным бытом. Наверху – святость, внизу – юмор. Кажется, в этом небольшом летописном тексте, в одном абзаце, заснята вся Русь в ее определяющих чертах – дух и плоть Руси, и фантастический характер народа, который сулит в будущем еще большее удивление.²⁶

Это наводит на мысль, что в русской культуре христианство воспринималось как нечто навязанное сверху и извне, а баня продолжала существовать параллельно христианскому миру. В таком толковании баня – своего рода альтернативное место культа, пережиток языческой, дохристианской эпохи²⁷. Когда все остальные шли в церковь на службу, колдуны шли в баню заниматься ворожбой. Отсюда следовало, что всякого, кто не ходил мыться в обычное время, могли принять за колдуна²⁸.

Представление о том, что баня была символом нехристианских верований, подкрепляет другая история из “Повести временных лет”. Боярин Янь пришел на Белоозеро, собирая дань для киевского князя. А тамошние волхвы, “мороча людей”, чинили всякие злодейства и мешали ему исполнить княжеское поручение. Потом волхвов захватили, и во время допроса Янь вступил с ними в спор о сотворении человека. Сам Янь утверждал свою веру в библейской истории о сотворении Богом Адама и Евы. Кудесники же отвечали, что сами знают, как все было: “Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с Богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек, – в землю идет тело, а душа к Богу”²⁹. Итак, баня существовала в момент сотворения человека. А православие – нет. Во всяком случае, именно это, согласно летописи, утверждали средневековые кудесники.

Несмотря на это свидетельство, противопоставление бани православию мешает понять, насколько тесно Церковь и баня были переплетены в культурном отношении. Христианская вера не противоречила напрямую “народной культуре” и “народному быту”, символом которых были походы в баню³⁰. Православие пустило глубокие корни в славянскую культуру, вобрало в себя и связало в единое целое ранее существовавшие верования. В других местах “Повести временных лет” баня фигурирует как вполне патриотичное, нисколько не враждебное христианству бытовое явление. В середине X века, как рассказывает летопись, древляне (одно из восточнославянских племен) убили киевского князя Игоря с дружиной, когда тот собирал дань. Затем древляне пришли в Киев, чтобы уговорить вдову Игоря Ольгу выйти замуж за их князя. Княгиня Ольга решила отомстить за гибель мужа. Она велела передать древлянам, что “киевские люди” позволят ей пойти за их князя лишь в том случае, если они подступятся к ней “с великой честью”. Тогда древляне прислали в Киев своих “лучших мужей”, а Ольга “приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне»” (возможно, так велели тогдашние киевские обряды сватовства). “И разожгли баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и [люди Ольги] заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все”³¹. Ольга, чтимая как святая за ее рвение в распространении христианства, прибегла к бане как к средству спасения Руси. Баня снова оказалась в центре одной из основополагающих легенд, связанных с историей Киевского государства. Похоже, летописцев ничуть

²⁶ Синявский А. Иван-Дурак: очерк русской народной веры. М., 2001. С. 61.

²⁷ Райан В. Ф. Указ. соч. С. 50. Lotman Y., Uspenskii V. The Semiotics of Russian Culture. Ann Arbor, 1984.

²⁸ Райан В. Ф. Указ. соч. С. 51.

²⁹ Повесть временных лет. Указ. соч. С. 54–55.

³⁰ Критическое рассмотрение “двоеверия” в ранней русской религии см.: Rock S. Popular Religion in Russia: “Double Belief” and the Making of an Academic Myth. London, 2007.

³¹ Повесть временных лет. Указ. соч. С. 54

не смущал вопрос о том, как эта жестокая месть вписывается в череду других деяний благочестивой христианки и святой.

Иллюстрация 4. Ольга сжигает древлян в бане около 945 г. н. э. Миниатюра из Радзивилловской летописи, копия XV века с оригинала XIII века. Публикуется с разрешения NathiTrust.

Есть и еще один эпизод в “Повести временных лет”, где баня и христианство мирно соседствуют друг с другом. В 1089 году митрополит Ефрем освятил в Переяславле церковь святого Михаила и другие церкви, построенные им в городе. В то же самое время, сообщает летопись, Ефрем воздвиг и “строение банное каменное, чего не было раньше на Руси”³². Это краткое упоминание о бане особенно важно, поскольку здесь оно недвусмысленно вплетено в рассказ о жизни набожного человека и о других событиях, которые свидетельствовали о присутствии Церкви в этих землях.

Описания бани в “Повести временных лет” привлекали внимание еще к одной особенности, которая на протяжении столетий продолжала определять существование этого учреждения. Летописцы говорили о двух разных типах бани. Были бани большие, городские, общественные, – они вели свой род еще от античных терм и пришли на Русь через Византию, ислам и христианство. Такова каменная баня, построенная митрополитом Ефремом, и, возможно, в такую баню ходила княгиня Ольга. Другой тип бани зародился на севере, с ним были связаны местные обычаи и обряды, – это бани белозерских волхвов и новгородских “нехристей”. О том, что иногда два этих типа сближались, а иногда существовали особняком друг от друга, косвенно говорят древнейшие письменные источники, донесшие сведения о Руси.

Распад Киевского государства на несколько соперничающих княжеств в XIII веке и оккупация славянских земель монголами в XIV–XVI веках оставили мало письменных следов, и найти там упоминания о банях было бы очень трудно. Однако из сохранившихся более поздних источников ясно, что отношение к бане как к месту, где сосуществуют добро и зло, по-прежнему сохранялось. Монголы думали в первую очередь о взимании дани и об удержании контроля, им было неинтересно менять местные обычаи или взгляды на мир. А если говорить о православном христианстве, то оно лишь укрепилось еще прочнее, вобрав в себя и синтезировав народные верования и обряды³³. У монголов имелись собственные общественные и частные бани, но, по-видимому, они не навязывали своим подданным-славянам собственные

³² Там же. С. 140.

³³ Halperin C. J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1987. P. 104–119.

банные традиции³⁴. Потому представляется вполне естественным, что баня пережила монгольское иго. Возможно даже, что маленькие, местные, частные бани пережили особый расцвет, поскольку средоточие политической и экономической власти в регионе сместилось из Киева в лесистые области северной Руси, где домовые бани преобладали изначально. Но такое заключение носит лишь умозрительный характер, опираясь на сведения о том, что бани существовали и до прихода монголов, и после их ухода. К XVI веку московские князья объединили под своим началом многие русские земли и установили преемственность собственной политической и культурной власти от древнего Киевского государства благодаря своей принадлежности к княжескому роду Рюриковичей. Между тем баня стала восприниматься как еще более яркий показатель русского национального самосознания.

* * *

В Московском княжестве посещение бани было привычной частью повседневной жизни. В банях собирались богачи и бедняки, горожане и крестьяне, мужчины и женщины. Домовые бани – предназначенные для нужд семьи и соседей – были распространены в крестьянских селах, в боярских поместьях и даже кое-где в городской черте. Более просторные торговые бани существовали в больших и малых городах по всей Московии. Как правило (но не всегда), мужчины мылись с мужчинами, а женщины – с женщинами. Городские бани – обычно открытые для публики и управлявшиеся как торговые заведения – представители разных полов могли посещать по очереди: иногда в разное время суток, иногда в разные дни недели. Из-за низкой платы за посещение торговые бани были доступны и для простых горожан, и для проезжего люда. Часто бани становились центрами городской общественной жизни. Туда приходили целыми компаниями, там пили и по-братски общались с другими посетителями. Содержатели бань часто получали от государства исключительные права на продажу кваса и сусли. В некоторых обстоятельствах они получали еще и законные полномочия для присмотра за азартными играми на подведомственной им территории³⁵. В торговых банях находили временное пристанище “пришлые и гулящие люди без порук, и без поручных записей, а поручики по ним такие же воры”. Меняя имена и личины, эти люди явно скрывались от властей³⁶.

Баня оставалась в Московии важным учреждением из-за обрядов и церемоний, которые должны были там совершаться. “Банным днем” по традиции была суббота – очевидно, потому, что в воскресенье люди шли в церковь, а идти туда полагалось вымытыми. Женщины – от простой крестьянки до царицы – рожали в банях, где рядом с ними находились повитухи и другие помощницы³⁷. Царь тоже должен был приходить в купальню, чтобы впервые увидеть своего новорожденного ребенка³⁸. Бани занимали центральное место и в брачных церемониях. В “Домострое” – памятнике литературы XVI века, где собраны идеализированные правила домашнего и семейного уклада, – говорилось, что на второй день длившегося много дней кряду свадебного обряда банщики растапливали баню, а семья невесты снабжала жениха банными принадлежностями. Когда новобрачный просыпался поутру после первой брачной ночи, он сразу же шел в баню, а его молодая жена оставалась в постели. Там вместе со слугами он мылся и пил хмельное. Затем супруг возвращался в спальню и продолжал спать³⁹. Возможно, в этом обряде отражалось представление о том, что баня очищает человека после соития. Муж дол-

³⁴ Зиливинская Е. Д. Указ. соч. С. 174–225.

³⁵ Булгаков М. Б. Организация мелких откупов в России первой половины XVII столетия. Тюмень, 1997. С. 49–53.

³⁶ ПСЗ. Т. 3. Закон № 1420. С. 116–117.

³⁷ Райан В. Ф. Указ. соч. С. 52.

³⁸ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. СПб., 1906; Райан В. Ф. Указ. соч. С. 176.

³⁹ The “Domostroi”: Rules for Russian Households in the Time of Ivan the Terrible // Ed. Pouncy C. J. Ithaca, 1994. P. 225–227

жен был посетить баню и на утро третьего дня – возможно, потому, что новобрачным снова полагалось плотски соединиться⁴⁰. Эти правила распространялись не только на простолюдинов или худородных бояр, но касались и самого царя. Во время брачной церемонии царь посещал баню, а после него туда шла царица в сопровождении своей матери и близких подруг⁴¹.

Если оставить в стороне свадебные и родильные обряды, то в начале нового времени русские в деревнях считали баню потенциально опасной. Это было “нечистое место”, где собирались злые духи, ведьмы и мертвецы и где происходили различные обряды гадания. Особенно опасным считалось ходить туда одному или в полночь⁴². В бане, как и во всех других постройках, жил свой дух – банник, который обладал волшебными (как правило – зловредными) силами. По обычаю, каждая третья или четвертая очередь в парилке принадлежала баннику – иногда он мылся там вместе с другими духами. Чтобы задобрить его (в некоторых рассказах это не он, а она – банница, но считалось, что чаще всего это нежить мужского пола) и чтобы не повстречаться со злыми духами, купальщицы оставляли подношения и произносили заклинания. Банник мог принести удачу или неудачу. Например, если молодые женщины подходили к бане, поворачивались к ней спиной и выставляли голые ягодички, то легкое касание банника сулило удачу, а шлепок мог сопровождаться сглазом. Иногда банника можно было увидеть – как правило, он принимал облик кого-нибудь из членов общины, о ком наверняка знали, что он находился во время этой встречи в другом месте. Ощущение опасности усиливалось еще и тем, что, входя в баню, люди обыкновенно снимали нательный крест и тем самым временно лишались одного из своих главных оберегов от злых духов. Иконы тоже не разрешалось вносить в баню⁴³. Другие отголоски народных верований позволяют предположить, что баня слыла заколдованным местом. В бане можно было узнать – или даже решить – свою судьбу. Купальщицы брали в баню зеркала, чтобы вызвать в них изображение суженого. Иногда в бане запирали черного кота – это было частью обряда, способного принести удачу. Предметы, находившиеся в бане, ассоциировались с волшебной и нечистой силой, и потому их не полагалось оттуда выносить⁴⁴. Место, где когда-то сгорела баня, считалось опасным.

В “Домострое” – также руководстве для домашних хозяйств – подчеркивались опасности, которые могут подстергать человека в бане. В разделе о болезнях и их лечении предупреждалось, что нельзя ходить к колдунам, травникам и прочим подозрительным знахарям. Там же говорилось: “Не должно быть никакого общения у христиан с иудеями... Если... кто моется с ними в бане, или иначе как-то общается с ними, если из причта он – из церкви его изгнать”. Мирянину же грозило отлучение от церкви на девятнадцать лет⁴⁵. В начале нового времени баня мыслилась как пограничное – на границе жизни и смерти – пространство, где происходили разнополюсные совокупления и завязывались однополюсные узы, вершились торжественные обрядовые омовения и творилась ворожба. Это было место, где определенные действия сулили власть или удачу, но с той оговоркой, что если те же действия совершить в неправильное время или не с тем человеком, то они же нанесут вред или даже гибель.

В Смутное время – пятнадцатилетний период политического кризиса между окончанием правления Рюриковичей в 1598 году и утверждением во власти династии Романовых

⁴⁰ Ibid. P. 232, 236.

⁴¹ Котошихин Г. Указ. соч.

⁴² Ivanits L. J. *Russian Folk Belief*. Armonk, 1989. P. 58–60; Криничная Н. А. Сынове бани: мифологические рассказы и поверья о духе-“хозяине” бани. Петрозаводск, 1995.

⁴³ Райан В. Ф. Указ. соч. С. 230; Агапкина Т., Толстой Н. Славянские древности: этнологический словарь в пяти томах. М., 1995. С. 138–140.

⁴⁴ Райан В. Ф. Указ. соч. С. 37, 51; Ivanits L. J. *Op. cit.* P. 59–60. Письменные свидетельства, относящиеся к значительной части этого фольклора, впервые появились лишь в XIX веке, но Райан заключил, что все эти верования были распространены и в эпоху Московской Руси.

⁴⁵ The “Domostroi”. *Op. cit.* P. 119.

в 1613 году – недоброжелатели косо смотрели на обычай самозванца Лжедмитрия ходить вместе с женой в баню в то самое время, когда ему полагалось находиться в церкви вместе с князьями и боярами: может быть, он колдун? Но, странным образом, в других источниках высказывались подозрения в адрес Лжедмитрия из-за того, что он не ходил в баню во время своей свадебной церемонии⁴⁶. Лжедмитрию – вероятно, чужеземцу – не удалось успешно выдержать двойное испытание баней, которая связывалась в сознании русских людей и с чистотой, и со скверной, играя важную роль одновременно святого места и места святотатства.

Связывать баню с колдовством, ворожбой и опасностью продолжали до конца столетия. В конце XVII века князя Василия Голицына обвинили в том, что “он держал в своей бане особого колдуна, чтобы с помощью любовных чар привлечь любовь регентши царевны Софьи”, которую он поддерживал, когда она попыталась оспорить права своего брата Петра на престол⁴⁷. На первый взгляд, эти примеры подкрепляют идею о том, что в представлениях о бане сохранялись воззрения, существовавшие независимо от христианской веры или параллельно ей. Однако в православном вероучении соединились идеи о том, что баня способна и осквернять и очищать моющихся в ней. Православная традиция чаще всего соглашалась с тем, что баня таит опасности. Представление о связи бани со злом восходит к различным текстам об истории Церкви, которые вместе с церковными учениями часто попадали в русское православие. Из-за того, что публичные бани привычно ассоциировались с пороком, развратом и проституцией, средневековые церковные авторитеты, где бы они ни жили, всячески старались регулировать деятельность, происходившую в бане. Еще в VI веке Юстиниан, по словам одного исследователя, “установил строгие наказания за неподобающее поведение в банях, а осуждение совместного мытья как повода для греха часто встречается в записях заседаний советов и синодов, а также в святоотеческой и прочей христианской литературе”⁴⁸. К XVI веку во многих западноевропейских странах общественные бани закрыли почти полностью, считая их притонами для недозволенного секса и рассадниками болезней⁴⁹. Западная церковная литература была знакома главам православной церкви и, возможно, как-то влияла на русские своды законов. Однако полностью принять подобные запреты было сложно или вовсе невозможно. Потому на Руси бани оставались открытыми и легальными заведениями. Более того, в этот период они, похоже, даже переживали расцвет.

⁴⁶ Райан В. Ф. Указ. соч. С. 237. Это согласуется с: Chester S. L. Dunning, *Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty*. University Park, 2010. P. 237. Olearius A., Baron S. H. *The Travels of Olearius in Seventeenth-Century Russia*. Redwood City, 1967. P. 168–169, 61. Олеарий упоминает о незнании Лжедмитрием того, когда нужно ходить в баню, как о признаке его иностранного происхождения. Карамзин тоже отмечает, что неспособность Лжедмитрия разбираться в банных обычаях обличала в нем иностранца. См.: Карамзин Н. М. *История государства Российского в двенадцати томах*. М., 1997. Т. 11.

⁴⁷ Райан В. Ф. Указ. соч. С. 50–51, 99–100, 71, 99, 230.

⁴⁸ Райан В. Ф. Указ. соч. С. 52.

⁴⁹ Vigarello G. *Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France Since the Middle Ages*. Cambridge, 1988.

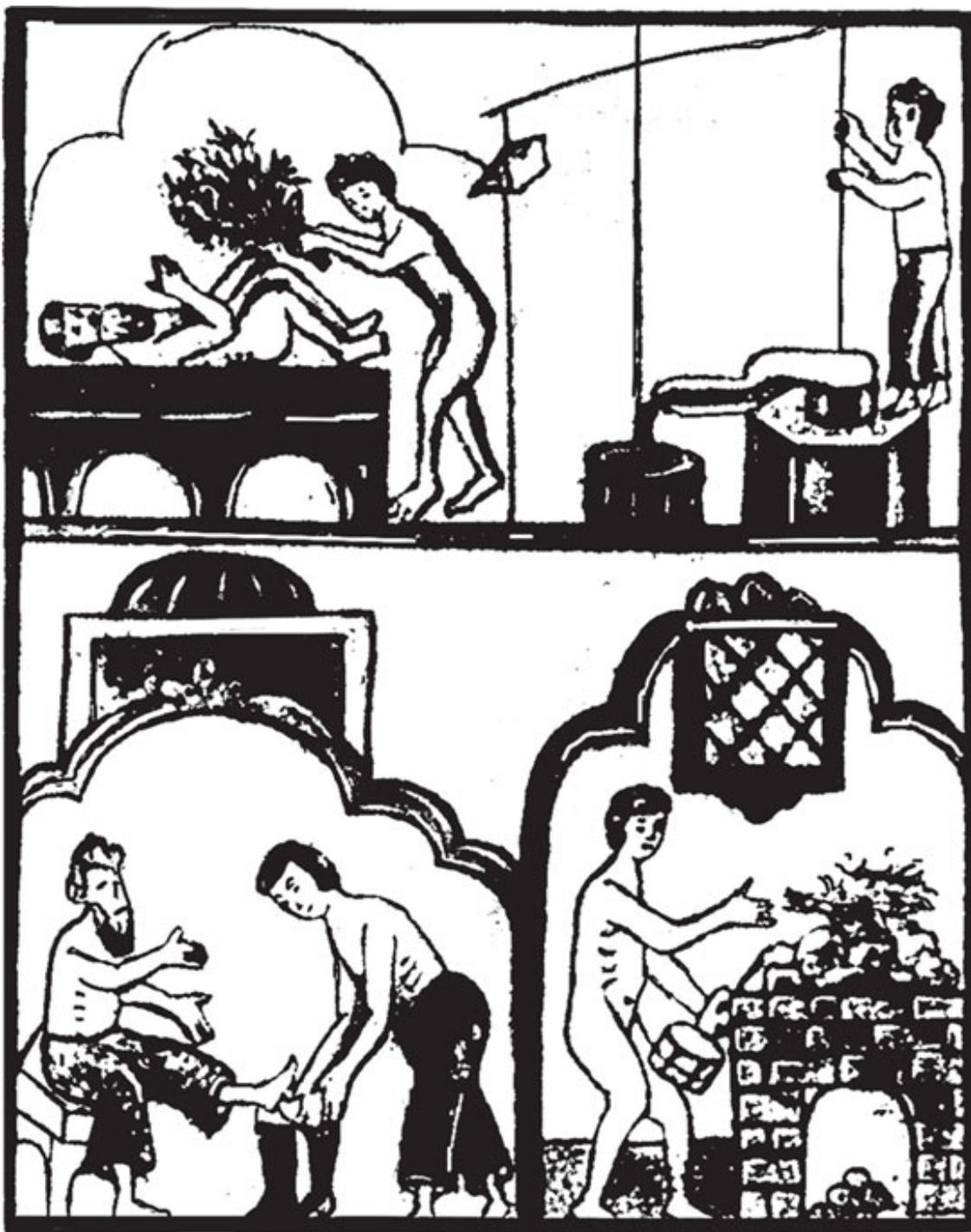

Иллюстрация 5. Эта миниатюра XVII века изображает основные элементы устройства бани: раздевалку, горячую печь, откуда исходит жар и пар, и скамью, на которой молодой человек хлещет веником человека постарше.

В некоторых православных текстах говорилось, что баня полна греховных соблазнов. До Крещения Руси славяне практиковали совместное мытье мужчин и женщин, которое, наряду с ритуальным сексом, было частью праздника плодородия, справлявшегося в пору летнего солнцестояния⁵⁰. В Ефремовском списке “Кормчей книги” – сборника церковных и светских законов XII века – совместное мытье обоих полов запрещалось, но мытье как таковое

⁵⁰ Levin E. Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900–1700. Ithaca, 1989. P. 40.

не возбранялось⁵¹. На Стоглавом церковном соборе, который прошел в Москве в 1551 году, совместное мытье отнесли к грехам, которым подвержены и миряне, и духовные лица. На соборе рассматривался следующий вопрос: “Да во Пскове граде моются в банях мужи и жены, и чернцы и черницы в одном месте без зазору. Достойт о том запретити, чтобы престали от того безчиния”. Собор дал недвусмысленный ответ: “По священным правилам не подобает в банях мужем с женами в одном месте мыться; также иноком и инокиням возбраниша и запретиша в баню ходити. Аще ли внидут, да под запрещением будут священных правил”⁵². Мирянам совместное мытье тоже запрещалось. А монахи и монахини, хотя им и возбранялось входить в общественные бани, могли – и даже должны были – посещать бани, имевшиеся при их обителях.

Одни виды совместного мытья среди мирян считались более греховными, чем другие. Если замужняя женщина приходила в общественную баню, когда там мылись мужчины, ее уличали в неверности мужу, и у него появлялись законные основания для развода⁵³. А вот о незамужних женщинах не говорилось ни слова. Историк Эва Левин указывала, что другие уложения о наказаниях “накладывали епитимью на тех, кто участвовал в совместном мытье, но только в том случае, если было зачато незаконное дитя”⁵⁴. Таким образом, церковники возражали против греховных связей, а не против самой возможности для мужчин и женщин видеть друг друга обнаженными.

Церковь так и не пошла на полное закрытие бань. В Московский период ходить в баню верующим не только разрешалось – баня играла важную роль в ритуальном очищении православных. Она прочно вошла в церковные обряды – следили лишь за тем, чтобы мужчины и женщины не мылись сообща. Различные религиозные учения требовали обязательного посещения бани после соития (даже освященного брачными узами), прежде чем целовать мощи или иконы, входить в церковь или навещать святого человека. Некоторые духовные лица утверждали, что совокупление делает людей ритуально нечистыми, и потому после супружеской близости и мужьям, и женам требуется омовение. В противном случае людям грозила опасность – они делались уязвимыми для злых духов или бесов. Считалось, что мужчин, которые занимались рукоблудием или имели семяизвержение во сне, посещал дьявол, и им запрещалось “входить в церковь, целовать крест или иконы или получать хлеб причастия, пока они не вымоются”⁵⁵. Равным образом и приходским священникам, у которых случались ночные истечения, обычно не позволялось прикасаться к Святым Дарам. Но если в приходе не было другого священника, который мог бы совершить необходимые литургические обряды, то осквернившемуся разрешалось отправление службы – после омовения. Баня использовалась и для очищения женщин после родов. В обычных обстоятельствах родильнице полагалось ждать сорок дней, прежде чем ей снова разрешалось участвовать в церковных обрядах. Единственное исключение допускалось, если она была при смерти, но в этом случае перед причастием и соборованием она должна была вымыться в бане⁵⁶. В большинстве источников того периода подчеркивается роль бани как средства обретения духовного здоровья, что явно указывало на то, что с ним тесно связано здоровье телесное. Когда свирепствовала “морозная язва”, “блаженная” женщина Юлиания Осорьина бесстрашно посещала больных и, как рассказано в ее житии, своими руками мыла их в бане и исцеляла их⁵⁷.

⁵¹ Райан В. Ф. Указ. соч. С. 53.

⁵² Kollmann J. E. The Moscow Stoglav (Hundred Chapters) Church Council of 1551. Ph.D. diss., University of Michigan, 1978. P. 559.

⁵³ Levin E. Op. cit. P. 115–116.

⁵⁴ Ibid. P. 270.

⁵⁵ Ibid. P. 169, 208.

⁵⁶ Ibid. P. 252, 171.

⁵⁷ Kaiser D. H., Marker G. Reinterpreting Russian History: Readings, 860–1860's. New York, 1994. P. 195–196.

В различных источниках отмечалась важность бани в разных пластах русского общества – от крестьян до знати, от деревень до городов. Даже узникам полагалось посещать баню⁵⁸. Православная церковь примирилась с проверенной временем ролью бани и вобрала связанные с ней обряды в свое учение. Обширный корпус церковных текстов о мытье упростил этот процесс – даже после того как бани впали в немилость во многих других землях христианского мира. Вполне возможно, что первые упоминания о банях в “Повести временных лет” были включены в летопись в качестве своего рода “этнографического анекдота”, чтобы обозначить культурное отличие новгородских язычников от обитателей днепровских берегов на месте будущего Киева, сподобившихся апостольского благословения, – однако к Московскому периоду, на полтысячелетия позже, баня уже полностью встроилась и в повседневные обычаи и верования народа, и в официальную церковную доктрину. Баня успешно пережила обращение Руси в христианство.

* * *

Западные европейцы относились к баням и мытью совершенно иначе. Если в Московском княжестве бани сохранились и даже пережили расцвет, то в других частях Европы они вымерли. Потому-то европейским путешественникам местные бани казались такой диковиной – и знаменовали в их глазах культурную странность Руси в целом. Но по этой же причине баня воспринималась как нечто особенное, как обычай, восходящий к древнейшим пластам русской истории и, следовательно, сплачивающий разных представителей общины в единый народ благодаря общей традиции. Уже один факт, что русские продолжали ходить в баню в пору существования Московского княжества, разительно отличало их от западноевропейских современников. В XVI веке католическая церковь повелела закрыть все бани. К XVII столетию почти во всей Западной Европе врачи придерживались мнения, что мытье водой опасно для здоровья. Проникая сквозь кожу, вода будто бы легко нарушает хрупкое равновесие гуморов, тем самым нанося большой ущерб внутренним органам и крови. Изредка купанье и рекомендовалось для перегруппировки телесных жидкостей, но все же это считали отчаянной, крайней мерой, представляющей угрозу для человеческой жизни.

Подобные взгляды обрели такое влияние, а единство врачей было столь крепким, что редкие одиночки, превозносившие пользу купаний, делали это с большой осмотрительностью, понимая, что для них это чревато неприятностями. Например, Фрэнсис Бэкон, английский философ XVII века, заключал, что при некоторых заболеваниях допустимо регулярно принимать ванны. Однако из осторожности он разработал особый метод, позволявший воде увлажнять кожу больного, при этом не проникая вглубь его тела. Во-первых, сама вода должна была “состоять из элементов, чьи вещества схожи с теми, из коих составлена телесная плоть”⁵⁹. Далее, сам философ, совершая омовения, прибегал к длившимся целый день процедурам, в продолжение которых его тело как бы опечатывалось маслами, прежде чем соприкоснуться с приготовленной для мытья водой. Выйдя же из купальни, он заворачивался в провощенные простыни, предварительно вымоченные в разнообразных травяных настоях, – это делалось, чтобы закрыть кожные поры. Бэкон в течение целых суток оставался закутанным в эти простыни, прежде чем считал безопасным снять их⁶⁰. Таковы были жертвы, на которые шли сторонники мытья. Подавляющее же большинство европейцев не мылось почти никогда.

С XV до начала XVIII века Европа – во всяком случае, Западная Европа – пережила период, который французский историк Жорж Вигарелло назвал тремя немывыми веками.

⁵⁸ Kollmann N. S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, 2012. P. 90; Hellie R. Op. cit. P. 399.

⁵⁹ Vigarello G. Op. cit. P. 14.

⁶⁰ Ashenburg K. The Dirt on Clean: An Unsanitized History. New York, 2007. P. 101, 165.

Избегая мытья, люди предпочитали менять белье: таков был их излюбленный метод соблюдения личной гигиены⁶¹. Во Франции XVII века архитекторы не предусматривали в своих чертежах ванных комнат. Они были попросту излишни – ведь “применение белья, которое сегодня служит для содержания тела в чистоте, гораздо удобнее, чем применение парных и терм у древних”⁶². В тех случаях, когда применялась вода – а ею мыли почти исключительно лицо и руки, – нормой считалась холодная вода, которая не открывала поры и не делала организм уязвимым для всякой заразы. Общественные бани, некогда популярные в средневековой Западной Европе, сделались неудобными заведениями. Более того, “купальни” (bagnio) стали синонимами борделей и ассоциировались в сознании людей с чумой. Купальни устарели, и их исчезновение было воспринято как знак культурного прогресса. Если Геродота и Ибн Русту изумляли банные обычаи, которые не казались им нормальными, то европейцев, живших на заре Нового времени, поражал уже тот факт, что где-то распространены бани как таковые.

Неудивительно, что западные европейцы, посещавшие Московию, видели в русской бане в лучшем случае нечто опасное и чреватое рисками, а в худшем – свидетельствующее о варварстве и распутстве. В 1588 году Джэйлс Флетчер, посланник королевы Елизаветы I при дворе царя Федора, высказал предположение, что русские ходят в баню, чтобы избежать болезней, которые непременно поразили бы их из-за привычки к пьянству. И все же Флетчер явно находил диковинным такое “средство исцеления”. По его словам, русские “выходят из банных печей покрытые пеной и дымящиеся, почти как свиньи на вертеле, и тут же прыгают в реку в чем мать родила или обливаются холодной водой, и все это – в самую лютую стужу посреди зимы”⁶³. Горячая баня и зимний холод представляли в его глазах опасное сочетание, а упоминание о наготы подчеркивало дикость русского банного обычая.

Пожалуй, наиболее часто цитируемое описание бани до XVIII века оставил Адам Олеарий – ученый и путешественник, который побывал в Московии в 1630-е годы и написал о своем пребывании книгу, имевшую впоследствии большой резонанс. Впервые Олеарий упомянул о бане, когда речь зашла о том, что московиты “преданы плотским удовольствиям и разврату” и что “некоторые оскверняются гнусным пороком, именуемым у нас содомией”⁶⁴. Увидев в Москве, как “мужчины и женщины выходили прохладиться из простых бань голые, как их Бог создал”, Олеарий привел этот обычай как пример различных способов, какими русские “сняли с себя всякий стыд и всякое стеснение”. Рассказывая о бане подробно, путешественник снова отметил, что купальщики полностью обнажены и что представители обоих полов находятся в бане безо всякого стеснения и могут видеть друг друга даже тогда, когда баня “разгорожена бревнами, чтобы мужчины и женщины могли сидеть отдельно”⁶⁵. Похваставшись тем, что ему лично удалось рассмотреть бани в Астрахани, войдя в них “незамеченным образом”, Олеарий сообщил, что когда “какой-либо немецкий парень прыгал в воду, чтобы купаться вместе с женщинами, то оне вовсе не казались... обиженными”. Далее он процитировал стишок, сочиненный человеком из его посольской свиты, где говорилось, что обычай “нагишом стоять пред баней” – такая же типическая примета “жизни и характера” московитов, как и все остальное, что там можно увидеть:

Церкви, образа, кресты,

⁶¹ Vigarello G. Op. cit. Подобное представление о перемене белья не ново. См.: Rawcliffe C., *Urban Bodies: Communal Health in Late Medieval English Towns and Cities*. Woodbridge, 2013. P. 51, 103.

⁶² Vigarello G. Op. cit. P. 60.

⁶³ Fletcher G., Horsey J., Bond E. A. *Russia at the Close of the Sixteenth Century: Comprising the Treatise “Of the Russe Common Wealth” by Giles Fletcher, and The travels of Sir Jerome Horsey, Knt.* London, 1856. P. 147. Это перепечатка более раннего трактата. Для большей ясности я слегка изменил язык фрагмента.

⁶⁴ Олеарий А. Описание путешествия въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. СПб., 1906. С. 189.

⁶⁵ Там же. С. 208.

Купола с колоколами,
Женщин, крашенных как кукол,
Б...й, водку и чеснок.

Баня была “визитной карточкой” Московии для европейских путешественников⁶⁶.

Олеарий, впрочем, отметил и пользу бани – во всяком случае, для людей, привыкших к ней сызмальства: по его словам, она делает русских “людьми сильными и выносливыми, хорошо переносящими холод и жару”. И все равно он противопоставлял грубые русские бани “хорошим баням”, какие держали в Москве немцы. В этих немецких банях Олеария куда меньше смущало то обстоятельство, что “для мытья отряжают женщину или девицу”. Напротив, у него появляется повод заметить: “Такого честного доброжелательства и такой чистоты, однако, нечего искать у спесивых, корыстных и грязных русских, у которых все делается по-свински и неопрятно”⁶⁷. Вывод, сделанный Олеарием, что баня говорит и о русской склонности к сексуальной неразборчивости, и о дикости русских в целом, был весьма типичен для многих западных наблюдателей. Более того, в рассказах иностранцев о посещении России той эпохи непреходящий банный эпизод стал даже расхожим штампом.

Когда замечания о безнравственности и даже скотстве банных обычаев стали уравниваться допущениями, что, наверное, в русских есть нечто особенное, раз бани делают их здоровыми, – чужеземцы по-прежнему непременно ассоциировали русских с банями, а бани – с русскими. Например, на графа Карлайла, побывавшего в Московии по поручению короля Карла II, бани произвели положительное впечатление. Он восхвалял повсеместное распространение бань и отмечал, что местный народ пользуется ими “в подражание древним”, применяет их как “средство против всех болезней”, дающее москвитам “великое преимущество над всеми прочими народами”. Еще граф отмечал, что бани помогают москвитам “держат тело в чистоте” и “сохранять здоровье”⁶⁸. Француз Жак Маргаре, побывавший в Московии в XVII веке, тоже обратил внимание на привычку русских лечиться “от всех недугов” так: “немедленно идут в парную, где стоит почти нестерпимый жар, и остаются там час или два кряду, пока как следует не пропотеют”⁶⁹. Иностранцы понимали, что для русских посещение бани – здоровый обычай, однако не находили нужным рекомендовать его своим читателям.

Даже профессиональные врачи больше писали о половой распущенности и о странности русских, чем об общей пользе бань для здоровья. Доктор Джодокус Кралл, член Королевского общества и Колледжа врачей в Лондоне, приехал в Московию в конце XVII века. Он подробно описал бани, увиденные там, и отметил, что они служат “всеобщим целительным средством у москвитов – не только для очищения тела, но и для сохранения здоровья”. Привычкой к бане он объяснял их “здоровое телосложение”, долголетие и тот факт, что их “редко беспокоят какие-либо расстройства”. “Они живут, – писал Кралл, – почти никогда не обращаясь к лекарям, и многие из них никогда не болеют”⁷⁰. Однако он воздержался от утверждения, что мытье само по себе целесообразно, и не стал вдаваться в рассуждения о том, какие болезни и недомогания скорее всего исцелялись бы при помощи такого процесса, который, судя по всему, подвергает организм крайним испытаниям.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 163.

⁶⁸ Earl of Carlisle, Guy Faithorne William Miede, and engraver, A Relation of Three Embassies from His Sacred Majestie Charles II to the Great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark. London: Printed for John Starkey, 1669. P. 53–54.

⁶⁹ Margeret J. The Russian Empire and Grand Duchy of Muscovy: A 17th Century French Account / Trans. by Chester S. I. Dunning. Pittsburgh, 1983. P. 34.

⁷⁰ Crull J. The Antient and Present State of Muscovy. London, 1698. P. 151–152.

Большинство иностранных наблюдателей так и не догадались, почему польза, которую извлекают из банных процедур русские, могла бы распространиться и на другие народы. Они ограничивались лишь предположениями, что это чисто русская особенность, а увидеть за этим что-либо большее им, похоже, мешало их собственное ханжество. Как врач Кралл видел в банном мытье явную пользу для здоровья, но как строгий моралист видел там же опасность. Он писал: “Когда жар становится нестерпимым, мужчины и женщины вместе выбегают из печей, совершенно нагие”, и прыгают в холодную воду. В самой бане, где мужчинам и женщинам полагалось находиться порознь, они тем не менее имели возможность поглазеть на наготу друг друга. “Большое количество общественных банных мест повсюду [в Московии], – объяснял Кралл, – построены беспечно” – то есть из мужского отделения бани запросто можно заглянуть в женское. По его замечанию, местные “не придают этому особого значения, хотя обоим полам нечем больше прикрыть срамоту, кроме разве что пучка трав, размоченных в воде, а многие женщины так и вовсе не считают нужным делать даже этого, их ничуть не смущает, что их могут увидеть мужчины”. Кралл добавлял: “Когда у них возникает нужда остудиться в холодной воде, представители обоих полов обычно выходят и входят через одну дверь, ведущую в разные банные помещения”⁷¹. Опытный врач как бы намекал, что любая польза для здоровья, приносимая баней, сходит на нет из-за странных сексуальных обычаев, принятых у русских.

Вплоть до начала XVIII века – когда в Западной Европе стало появляться все больше сторонников мытья – в оценках путешественников, писавших о русской бане, вред от сексуальной распущенности все равно перечеркивал пользу для здоровья. Фридрих Вебер, ганноверский дипломат, представлявший Англию при дворе Петра I в 1710-х годах, признавал, что русские пользуются баней как “универсальным средством от всяких недомоганий”. Однако его рассказ о целительных свойствах бани омрачался гораздо более подробными описаниями недозволенного смешения полов. Описывая русские купальни, Вебер, как и его предшественники, подчеркивал непристойность происходящего там. Когда жар нарастал, дети громко вопили, и тогда “те, кто желал мыться, раздевались под открытым небом и вбегали в парильню”. Он “изумлялся”, видя, как “не только мужчины, но и женщины – и замужние, и незамужние... бегали... в чем мать родила, без капли стыда и приличия”⁷². Все рассказы чужеземцев ясно давали читателю понять: баня – это заведение, какого нет нигде, кроме Московской Руси.

* * *

Московское государство не собиралось закрывать бани или как-то регулировать поведение, допустимое в них. Правителей гораздо больше занимал вопрос о том, как обложить эти заведения налогами. В начале XVII века в местных реестрах – например, тех, что велись в Ярославле, – бани фигурировали в числе наиболее важных городских заведений⁷³. Учитывая их повсеместность и популярность, неудивительно, что бани воспринимались как стабильный источник доходов для государства, которому требовалось постоянно пополнять казну. К XVII веку произошла централизация государственного управления, и были введены разнообразные пошлины и сборы, которыми можно было обложить в числе прочего и бани. В Соборном Уложении 1649 года – первом крупном упорядоченном своде законов Московского государства, принятых со времени выхода Судебника в середине предыдущего столетия, – напрямую говорилось о налогообложении бань. В тексте новых законов разъяснялось, что царь относит торговые бани к системе откупов. Откупщики платили государю за исключительное право управлять баней в определенном городе или области. Когда оговоренный срок

⁷¹ Ibid.

⁷² Weber F. C. The Present State of Russia. New York, 1968. P. 31–32.

⁷³ Ярославские губернские ведомости. 1861. № 35.

(обычно – от года до пяти лет) истекал, стоимость аренды автоматически поднималась. Если арендатор не желал продлевать сделку, государство могло договориться с другим откупщиком⁷⁴. Новое соглашение имело свои преимущества для государства: оно сохраняло за собой контроль и могло менять откупщиков, но при этом ему уже не нужно было полагаться на слабых чиновников, чтобы управлять множеством бань в больших и малых городах. Если какая-то баня оказывалась неприбыльной, сборщики податей все равно могли получить свой откуп или передать монополию другому откупщику. Это создавало для государства довольно устойчивый поток доходов, а вникать в детали экономической целесообразности оно предоставляло другим. Управляющие банями в свой черед могли потом искать собственные способы получения выгоды – например, повышая плату за пользование так, чтобы их прибыль превосходила сумму, которую они выплачивали государю.

В начале XVII века, в Смутное время, политическая неустойчивость и экономический развал значительно опустошили казну. Недавно воцарившаяся династия Романовых использовала систему откупов как способ увеличить поступление доходов и стабилизировать бюджет. Государство отдавало на откуп монополии на пользование государственной землей для охоты и рыболовства, на пользование мельницами и лесами, а также на право заниматься промыслами, ремеслами или торговлей. Откупщики, желавшие получить монополии на бани в определенном районе, часто брали заодно и другие откупа. Обычно государство отдавало бани на откуп сразу нескольким людям и старалось сосредоточить монополии на различные услуги и отрасли в той или иной области. Арендаторам могло казаться обременительным содержание бани – ведь нужно было нанимать работников, которые возили бы воду, топили печи, заготавливали дрова, чинили и поддерживали в исправности печи. Но все же дело того стоило, тем более если взятые откупа позволяли заодно контролировать и другие сектора местной экономики⁷⁵.

Банные откупщики регулярно платили государству. Все подробности выплат оговаривались на местном уровне с учетом местных экономических условий. Где-то откуп составлял 17 рублей в год, где-то – 50 рублей. Но если к этому добавлялись другие монополии (например, право торговать спиртными напитками или надзирать за азартными играми), тогда цены могли запросто взлетать до сотен рублей в год. В течение первой половины XVII века цены значительно поднялись⁷⁶.

Система откупов была не единственным средством, которым располагало государство для получения доходов от бань. Сборщики налогов отдельно ввели еще и пошлину – ее должна была уплатить каждая торговая баня, чтобы ей позволили открыться и работать. С откупщиков, уже заплативших за многолетнюю монополию на управление банями, такая пошлина взималась только один раз⁷⁷. Однако годовое бремя пошлин, каким облагались держатели бань поменьше, могло быть довольно значительным⁷⁸. Сообща оба метода налогообложения обеспечивали казне устойчивый приток денег⁷⁹.

Царские управляющие прекрасно понимали важность банных податей. В 1680-е годы в своде законов было четко оговорено, что взимание сборов за управление торговыми банями находится в исключительном ведении великого князя⁸⁰. Но этим государственные инстру-

⁷⁴ The Muscovite Law Code (Ulozhenie) of 1649 // Ed. Hellie R. Irvine., 1988.

⁷⁵ Булгаков М. Б. Указ. соч. 51–53.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ The Muscovite Law Code... P. 145–146.

⁷⁸ Hellie R. Op. cit. P. 541.

⁷⁹ Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. В одном источнике, относящемся к гораздо более позднему периоду – 1770-м годам, – говорится, что «бани и питейные дома» приносят 1,6 % всех доходов в царскую казну. (Marshall J. Travels through Germany, Russia, and Poland in the Years 1769 and 1770. New York, 1971. P. 124.)

⁸⁰ ПСЗ. Т. 2. Закон № 1044. С. 561–562.

менты изъятия доходов еще не исчерпывались. В придачу к откупам и пошлинам, баню можно было облагать поборами еще тремя способами. “Баный сбор” – так назывался налог на частные бани; “баные деньги” взимались с человека, который желал считаться профессиональным управляющим баней; и, наконец, оброком называлась сумма, которую уплачивали государю отдельные купцы за право управлять баней – но без монополии, которой обладали только откупщики⁸¹.

Законы проводили различия между торговыми и домовыми банями и, соответственно, управляли ими и облагали их сборами по-разному. Некоторые люди, имевшие домовые бани, иногда пускали в них за небольшую плату гостей или бедных странников, тем самым избегая налогов, которые им пришлось бы платить в случае, если бы они официально держали торговые бани. И государство, и люди, получившие лицензию на управление торговыми, были кровно заинтересованы в закрытии домовых, которые исподтишка действовали как торговые бани⁸². Все эти налоговые законы, взятые вместе, заставляют предположить, что Московское государство рассматривало бани в первую очередь как источник доходов, которые следовало из них выжимать, а вовсе не как источник колдовства, греха и обычаев, которые нужно было регулировать. В отличие от западных обозревателей, московских правителей, похоже, нисколько не занимал вопрос о недозволенном общении полов или о разврате в бане. Не думали они о бане и с точки зрения здоровья. В Московии регулирование деятельности бань начиналось и кончалось взиманием податей.

Попытки упорядочить сбор податей предшествовали реформам Петра I. Но в период его царствования этот процесс сделался более систематизированным: закрылись лазейки, прежде позволявшие некоторым владельцам бань уклоняться от уплаты налогов. В начале XVIII века Петр, желавший сделать Россию более похожей на Европу, начал масштабные преобразования в стране. При этом главная задача отводилась модернизации военной и административной систем. Чтобы осуществить задуманные планы, царю требовалось пополнить казну налогами⁸³. Многие характерные приметы русскости – от стиля жизни, принятого при московском дворе, до традиционных окладистых бород и одежды, какую носили бояре, – безжалостно искоренились и заменялись западными. Но русская баня уцелела.

Петр не стал ни реформировать баню, ни объявлять ее учреждением, которое поможет государству тем, что будет поддерживать здоровье населения. Он просто повысил подати, которыми уже были обложены содержатели бань. В 1704 году был издан указ, повелевавший направлять все оброчные деньги, поступавшие от торговых и домовых бань, в Ингерманландскую канцелярию, находившуюся в ведении Александра Меншикова – правой руки Петра и главного администратора его реформ. В указе впервые четко говорилось, что городские торговые бани, бани в боярских усадьбах и даже монастырские – все облагались оброком, даже если официально они не действовали как торговые⁸⁴. В городах с населением более пятисот человек бани следовало строить купцам, которые затем должны были выплачивать положенный баный оброк государству. В некоторых случаях бани мог возводить городской глава, но и тогда их следовало вносить в общий реестр и облагать сбором. Жителям небольших городов и монастырских посадков, желавшим иметь свои бани, но не желавшим платить положенный оброк, грозили разрушением бани – и пеней в придачу. Деньги, естественно, должны были поступать наверх – в государственную казну⁸⁵.

⁸¹ Булгаков М. Б. Указ. соч. С. 49–53.

⁸² ПСЗ. Т. 2. Закон № 876. С. 329–330; ПСЗ. Т. 3. Закон № 1420. С. 116–117.

⁸³ Hellie R. Op. cit. P. 541.

⁸⁴ ПСЗ. Т. 4. Закон № 1955. С. 231–232.

⁸⁵ ПСЗ. Т. 4. Закон № 1954. С. 230–231.

Потрясает размах административных усилий Петра, направленных на увеличение размеров банных податей и сборов. В законе уточнялось, что все торговые бани обязаны записывать и учитывать свои доходы, а государству предстояло по собственному усмотрению устанавливать тарифы. Если баня переходила в другие руки, новый владелец должен был уплатить дополнительную пошлину. Если возникали разногласия или поступали прошения от тех, кто сдавал бани в аренду, споры должны были рассматривать в канцелярии Меншикова. В тех городах и областях, где бань не было, их следовало строить и сдавать в аренду. А там, где они уже существовали, центральные власти были обязаны следить за исправным поступлением денег в государеву казну⁸⁶. Фридрих Вебер – дипломат, представлявший Британию при русском дворе, – проницательно заметил (приблизительно в середине царствования Петра), что из-за того, что “русские вообще, и мужчины, и женщины”, моются дважды в неделю круглый год, банные налоги приносят “значительные доходы в царские сундуки”⁸⁷.

Однако налоговое бремя не могло быть слишком тяжелым, чтобы не отпугивать откупщиков, которые в противном случае вовсе не брались бы за управление банями или пытались бы утаивать свои заведения или прибыли от сборщиков податей. С точки зрения государства, чем больше было бань, плативших оброк и сбор за выдачу разрешений, тем лучше. В то же время управляющие банями хотели иметь какой-то гарантированный доход от своей деятельности. Понимая это, Петр ввел в действие законы, призванные помочь торговым баням в некоторых обстоятельствах: так, новые бани предписывалось возводить на порядочном расстоянии от уже существующих, чтобы не переманивать у них посетителей; если владельцы уже существующих в какой-то местности бань могли объединить ресурсы и создать банную монополию, тогда государство ограничивало для них налоговые обязательства⁸⁸.

Когда торговые бани приходили в упадок или по иным причинам прекращали действовать, для их починки и восстановления работы требовались огромные средства. В таких случаях, чтобы поощрить купцов, опасавшихся и риска, и больших расходов, государство заключало с ними взаимовыгодные сделки. Например, такой случай произошел уже после смерти Петра: один купец согласился построить и взять под свое управление баню при условии, что ему позволят платить в казну меньший оброк, а еще выдадут разрешение на управление корчмой. Чтобы капиталовложение казалось этому купцу еще более выгодным, государство пообещало освободить его на пять лет от уплаты всех податей, если только к тому времени он не окупит все понесенные издержки⁸⁹. Эти законы были призваны стимулировать капиталовложения в бани и одновременно обеспечить в дальнейшем поступление в казну новых налогов.

Убытки в этом случае несли те, кто раньше пускал за небольшую плату людей в свои частные бани. Хотя официально брать за это деньги запрещалось, домовые бани явно пользовались спросом и конкурировали с торговыми, впрочем, обычно туда ходили клиенты победнее. Здесь закон тоже становился на сторону торговых бань, повелевая закрыть домовые – вернее, запрещая хозяевам пускать туда чужих людей. В 1719 году вышел указ, налагавший штраф на людей, топивших собственные домовые бани в любые другие дни, кроме субботы. Баням же, получившим от государства лицензию, позволялось работать во все дни недели. По закону, санкт-петербургская полиция должна была взимать установленный штраф за первое нарушение, удваивать его за второе и утраивать за третье. Наказание за четвертое нарушение полагалось качественное иное: “бить батоги нещадно, для того что им Сакнтпетербургским жителям Его Царскаго Величества указом подтверждено, и определенным офицерам того смотреть

⁸⁶ ПСЗ. Т. 4. Закон № 1954. С. 230–231.

⁸⁷ Weber F. C. Op. cit. P. 32.

⁸⁸ ПСЗ. Т. 4. Закон № 1954; № 1955. С. 230–232.

⁸⁹ ПСЗ. Т. 10. Закон № 7718. С. 681–683.

предложено, дабы конечно не в указные дни, кроме Субботы, не топили”⁹⁰. Другой закон просто запрещал людям из низших сословий строить домовые бани в Санкт-Петербурге. В изданных позднее указах уточнялось, какие материалы разрешено использовать при строительстве бани, и держателей бань обязывали принимать противопожарные меры. Домовые бани запрещалось топить в жару или в пору засухи⁹¹. Эти законы подразумевали более традиционные методы охраны государственного правопорядка – введение особых правил во имя общего блага города или общины. Конечно, за некоторыми из этих законов стоял в первую очередь страх перед пожарами, но одновременно их легко можно было применять для ужесточения контроля над домовыми банями, бравшими плату с посетителей. Такова была явная цель похожих постановлений, принимавшихся на местах в первой половине XVII века: по меньшей мере в двух случаях запреты топить домовые бани в жаркие дни объяснялись желанием не только предотвратить пожары, но и увеличить доходы официально работавших торговых бань⁹².

Петр I круто изменил внешнюю политику, военное дело, а также интеллектуальную и культурную жизнь в России, желая приблизить ее к остальной Европе. Нетрудно представить себе, что он вполне мог бы объявить торговые бани вне закона – чтобы и на этом фронте угнаться за европейскими модами. В начале XVIII века настоящая европеизация могла бы привести к ликвидации бань и запрету мытья. Однако баня не принадлежала к числу тех исконно русских традиций, которые Петр или высмеивал, или пытался модернизировать. Когда царь строил на берегах Невы свою новую – умышленно рациональную и европейскую – столицу, в градостроительный проект были включены бани и выглядели они приблизительно так же, как и те, что существовали в русских городах столетиями⁹³. Новизна заключалась лишь в усилиях государства, направленных на систематическое налогообложение бань. Петр модернизировал существовавшие ранее подати, чтобы получать максимальную прибыль: обложил оброком все бани, установил лицензионный сбор и ввел специальную подать для всех торговых бань. Когда выяснилось, что многие домовые бани де-факто действуют как торговые, были выпущены особые законы с целью приструнить их владельцев. Народ мог сколько угодно любить баню – но в глазах государства она оставалась в первую очередь источником доходов. Действия Петра ограничились в данном случае легким завинчиванием гаек и укреплением ранее существовавшей системы взимания податей и сборов.

* * *

Сохранение торговых бань спустя продолжительное время после того, как их объявили вне закона и закрыли по всей остальной Европе, было одной из причин, почему Россию и русских считали на Западе нецивилизованными. Такой взгляд нашел отражение в самом, пожалуй, популярном из сочинений иностранцев, посетивших Россию в петровскую эпоху, – а именно в “Любопытных и новых известиях из Московии, 1698 г.” Фуа де ла Нёвиля:

Сказать по правде, москвиты – варвары. Они подозрительны и недоверчивы, жестоки, содомиты, обжоры, скряги, попрошайки и трусы, и все они – рабы, за исключением членов трех иноземных семейств... Все они очень грязные, хотя часто моются в местах, специально предназначенных для этой цели, где парятся при помощи печей, которые раскаляются до такого жара,

⁹⁰ ПСЗ. Т. 5. Закон № 3395. С. 718.

⁹¹ ПСЗ. Т. 6. Закон № 3730; № 3728; № 4047. С. 352. Т. 7. Закон № 4888. С. 652.

⁹² Булгаков М. Б. Указ. соч. С. 50. ПСЗ. Т. 4. Закон № 2058. С. 309, 310; ПСЗ. Т. 7. Ч. 385. Закон № 4616; ПСЗ. Т. 7. Закон № 5006. С. 733.

⁹³ Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. С. 156.

какого во всем мире никто, кроме них, не мог бы вынести. В этих местах мужчины и женщины находятся вместе⁹⁴.

Для людей, уже представлявших себе Московию страной отсталой и распутной, подобные рассказы о банях служили отличным подтверждением их предубеждения.

В самой России реформы Петра I, положившие начало разрыву между народом и вставшей на путь европеизации аристократией, не оказали серьезного влияния на бани. Конечно, Петр нашел способы крепче опутать их налоговыми обязательствами. Кроме того, яснее обозначились различия между банными обычаями разных общественных слоев. На публичные бани в городах распространялись иные указы и правила, нежели на частные бани или на бани, имевшиеся в боярских поместьях или при монастырях. Не имевшие лицензии домовые бани тоже начали считаться маленькими предприятиями, которые обслуживали бедняков и надеялись, что государство их не заметит или по крайней мере сочтет незначительным источником доходов и потому обойдет своим вниманием. Но при всех небольших изменениях в законодательстве, русская баня – “душа и плоть Руси” – сохраняла относительно стабильное положение. Большие публичные бани существовали со времен Киевской Руси, если не с более ранней эпохи. Параллельно – и, наверное, столь же давно – существовали маленькие парные избы. Колдовство, свадебные обряды, азартные игры, пьянство и секс вовсе не обязательно вступали в конфликт с интересами государства, которое думало прежде всего о податях. Баня служила пространством, где “без стыда” собирались нагие мужчины и женщины, где ворожили кудесники и где купальщики “сами себя мучили”. А еще она смывала с православных грязь, позволяя им на следующий день идти чистыми в церковь и прикладываться к кресту.

В зависимости от того, кто и когда писал о русских банных обычаях, они представляли либо сходными с обычаями других народов, либо свойственными одним только русским. Баня воспринималась как место, где купальщики могли очиститься, но могли и оскверниться; она была объектом внутригосударственной политики отчасти как частное место (стоящее особняком от всех прочих видов деятельности и иногда принадлежавшее частным лицам и управлявшееся ими), отчасти как публичное пространство (общественное, торговое и получавшее лицензию от государства). Баня трудно поддавалась осмыслению в тех самых категориях, которые предлагались для определения понятия современной “цивилизации”. Эти противоречия уходили корнями к самым ранним историческим преданиям, упоминавшим о банях и о землях, которым позднее предстояло войти в состав России. И они сохранялись на протяжении многих веков как показатели русского национального самосознания с самой поры возникновения первого русского государства в X веке до петровских реформ начала XVIII века.

⁹⁴ Записки де-ла Невилля о Московии // Русская старина. 1891. Т. 71. № 9. С. 419–450.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.